

претендовать на роль универсального. В этом аспекте концепция «мирового субъекта» Муравьева может стать ключевой для поисков индивидуальной и социальной самоидентификации.

1 Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Fr.a.M.1985; См. также: Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 20001. С. 60–78.

2 Муравьев В.Н. Овладение временем. М., 1998. С. 145.

3 Муравьев В. Национализм и интернационализм // Овладение временем. М., 1998. С. 77.

4 Муравьев В. Н. Неведомая Россия // Овладение временем. М., 1998. С. 35.

5 Муравьев В. Н. Восприятие истории // Овладение временем. М., 1998. С. 47.

6 Там же. С. 121.

7 Там же. С. 141.

8 Там же. С. 77.

9 Там же. С. 80.

Ж-П. САРТР: ОПАСНОСТЬ ВИЗУАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

А.Ю. Зенкова

Анна
Юрьевна
Зенкова
кандидат
философских
наук, докторант
Института
философии и
права УрО РАН

О враждебном отношении к привилегированному положению глаза Сартр заявляет практически с первых своих работ, и он не отступает от него на протяжении всего периода развития своих философских идей, придавая «взгляду» социальные, психологические и экзистенциальные измерения. Один из его комментаторов¹ по этой причине даже назвал его «самым многосторонним соглядатаем столетия». Однако история отношения Сартра к проблеме визуальности – это драма, в которой переплеталось стремление к проникающему во все мировые тайны взгляду, устанавливающему ясные отношения между познающими и познаваемыми субъектами, приводящему к свободе их выражения, и, победившее в результате, отчаяние от бесплодности его усилий. Можно сказать, что на протяжении всего пути размышлений его позиция представляла собой одновременно жажду и отвращение взгляда, его признания и опровержения, что позволяет ее сравнивать с позицией Руссо, чьи не менее противоречивые отношения с визуальностью стали предметом критики Старобински.²

Автобиографическое эссе Сартра *Слова* (The Words), написанное им в 1964 году, представлявшее собой парадоксальное желание «явить» себя, истоки своего мыслительного пути, взору Других, взору, об опасности которого он предупреждает на протяжении всей своей деятельности, стало удачным свидетельством и документальным подтверждением для различных интерпретаций и биографического прочтения его текстов. Весьма интересный и убедительный опыт подобного прочтения, с моей точки зрения, являет собой книга Алана Бьюисана *Уродство Сартра* (Alain Buisine *Laideurs de Sartre*), посвященная этапам изменения позиции Сартра в отношении визуальности. Работа, прослеживающая путь постепенного разочарования и отказа от визуального опыта, разделена на три части – «общественный философ», «косоглазый философ» и «слепой философ».

В конце тридцатых годов Сартр, уже обозначивший свое резко отрицательное отношение к чувственному зрению, установив радикальное различие между чувственным восприятием и воображением, пишет: «я думаю глазами».³ Отрицание чувственного зрения, как отмечает он в своей автобиографии, было напрямую связано с отвращением к зеркальным образам, и обращением к спасительному письму, с которым он связывал надежду на высвобождающую игру воображения: «я родился из письма. До этого была только игра зеркал».⁴ Зеркала для Сартра наполнены опасностью, потому что они связываются им с воспоминаниями о вере в принятие взгляда Другого как истинного. «Зеркало преподносило мне, – признавал он, – то, что я всегда знал: я был ужасен от природы. Я никогда не смог преодолеть этого».⁵ Хотя Сартр в конце концов и придет к выводу о тщетности простого письма по сравнению с действием, он будет защищать его в течение всего периода развития своих идей, так как, вероятно, полный отказ от него будет всегда

означать возвращение в мир зеркал, в который он был заманен ребенком как в ловушку.

Будучи заинтригованным в тридцатые годы хайдеггеровской трактовкой зрения, изложенной в *Бытии и Времени*, Сартр отталкивается от своего стремления представить тайны мира перед безжалостным пристальным взглядом, что напрямую связано с идеей прозрачности. В 1936 году Сартр сетовал на то, что гуссерлианское понятие «Я» вводит непрозрачность в сознание. Допущение саморефлексирующего эго «замораживает сознание, затемняет его. Сознание в таком случае больше не является спонтанным, так как имеет в пределах себя зачаток непрозрачности».⁶ Вместо этого истинное сознание, по мнению Сартра, должно быть чистой прозрачностью, необремененной позитивностью. Также и другие попытки заполнить его «непрозрачной вещественностью», как, например, делал это психоанализ, были одинаково пагубны с его точки зрения.⁷

Именно стремление быть полностью прозрачным, а следовательно, понятным, пишет Сартр в своей автобиографии, стало импульсом его собственных философских размышлений. (Это стремление, как заметил Бьюисан, напоминает эксгибиционистскую открытость для Других, к которой двумя столетиями ранее стремился Руссо). «Я пробую быть прозрачным настолько, насколько возможно, потому что я полагаю, что вся та потаенность, которая есть в нас непосредственно, одновременно тайна и для нас самих и для других, может быть освещена для нас непосредственно в попытке прояснить ее для других».⁸ Но стремлению Сартра к совершенной прозрачности, как и Руссо, мешали препятствия, которые он не мог полностью преодолеть. «Моему духу, - признавался он далее, - требовалась безжалостная ясность, ему необходим был операционный театр, гигиенически чистый, без теней, без темных углов, без микробов под освещением. И все же, поскольку эти нежелательные элементы невозможно было устранить из восприятия моих текстов, я связывал это с недостатком веры общества в меня».⁹ Но в то время, как он изо всех сил пытался демонстрировать себя миру, достичь желаемой ясности не удавалось, и даже его репутация как высочайшего интеллектуала,

знаменитости, по его мнению, только мешала восприятию его текстов. И Сартр в определенный момент приходит к выводу, что даже самый прозрачный, полный ясности проект, является неизбежно нереализуемым, прибегая к следующей трактовке визуальной метафоры прозрачности: если все предметы будут полностью прозрачны друг для друга, то не будет возможности видеть что-либо вообще.

И в итоге, Сартр приходит к идее о том, что желание прозрачности неизбежно оборачивается визуально подстрекаемым любопытством, представляющим опасность как для наблюдателя, так и для объекта наблюдения. В *Бытии и Ничто* он обращается к анализу межсубъективных и интрасубъективных взаимодействий, основанных на обмене пристальными взглядами, которые приводят не к взаимному признанию, а к взаимному насилию. Обращаясь к древнейшему вопросу о том, как мы можем знать о существовании другого, Сартр утверждает, что понимание другого неизбежно связано с возможностью быть наблюдаемым другим. «Быть «замеченным другим» является необходимостью для того видеть другое».¹⁰ Угроза пересечения этих взглядов связана непосредственно с человеческой свободой, которую подрывает взгляд Другого. «Я сталкиваюсь со взглядами Других, ... в результате происходит отвердевание и отчуждение моих собственных возможностей.... Конечно, я все еще продолжаю содержать в себе возможности свободы, посредством их некатегорического осознания. Но в то же самое время, взгляд отчуждает их от меня».¹¹

Разочаровавшись в стремлении к прозрачности как способу самоопределения, Сартр опять обращается к метафоре зеркала уже в несколько ином контексте, теперь он пытается прибегнуть к попытке «всматривания» в свое изображение с целью избавления от диктата взглядов Других и в попытке обрести самоопределение через естество собственной телесности, попытке, которая приводит к еще более неутешительным результатам, чем первая, потому как смотрение на себя в зеркало не только не избавляет от ошибки идентификации с другим взглядом, но также предоставляет свидетельства бессмысленности собственного материального существования.

Еще до *Бытия и Ничто* эта тема была обозначена Сартром в литературном произведении *Тошнота*. Бьюисан, связав этот этап отношений с визуальностью с психологическим переживанием собственной непривлекательности Сартром, так комментирует эпизод, в котором его герой, Антуан Рокентен, исследует свое лицо: «рассматривание себя в течение долгого времени в зеркале, приводит к тому, что оцепеневший субъект способствует грубому возвращению плоти, которая является вне всякого смысла, как буквально ничего незначащее возвращение органического и даже неорганического, геологического, примитивного,

текущего водянистого образа в отражении лица». ¹² «Рассматривание себя в зеркале, согласно Сартру, подобно перископическому погружению ... увидеть себя в зеркале означает погрузиться в глубину бездны». ¹³

«Бессмысленность» подобного визуального опыта становится для Сатра моделью для отрицания и нехватки, которую Сартр вскоре описал в *Бытии и Ничто*. Здесь важным для понимания его позиции является аргумент об отличии образов от восприятия, визуального или иного, и заменой их интенциональным действием. Отталкиваясь в результате от негативного опыта самоопределения, Сартр приходит к описанию сознания не в терминах визуальной прозрачности, как это было в предыдущих работах, ¹⁴ а как основанному на действии чистого отрицания. В результате, Сартр устанавливает радикальный разрыв между зрением и сознанием, который уничтожает уравнивание «я» и «глаза», свойственного окулярцентристской традиции.

Символичным, и весьма точным с моей точки зрения, является финальный образ пожилого Сартра, описанный Бьюисаном - почти полностью слепой философ, сидящий в гостинице в Венеции, одного из самых визуально насыщенных городов мира, успокаивающий себя музыкой, слышимой из радиоприемника. «Музыка, - пишет Бьюисан, - имеет власть освободить его от мучения кастрации.... Наконец с музыкой «эстетические» категории красивого и уродливого теряют свою уместность, потому что ее освободительная сила уничтожает все способы идентификации, отрицает все (ауто)-миметические референции». ¹⁵ В заключительной главе, Бьюисан размышляет о значениях близкой слепоты Сартра в конце его жизни. Рассуждая о его работах, посвященных живописи, он утверждает, что отвращение Сартра к цвету происходит из-за того, что цвет был опытом, доступным только зрению. И он заключает, что, «вероятно, не было критика искусства, отрицающего и порочащего силу глаза настолько сильно, как это сделал Жан-Поль Сартр». ¹⁶

В работах Жан-Поль Сартра, одного из самых ярких критиков окулярцентризма как основополагающего момента западно-европейской метафизики, содержится более семи тысяч ссылок на проблематику наблюдения, взгляда и на иные

темы, связанные с визуальностью. Разоблачение привилегированного положения глаза в дискурсе западной философии и науки, как детально и убедительно показано было на примере французской философии Мартином Джейм, ¹⁷ становилось особо важной темой в период преодоления прежних философских традиций и попытках построения новых способов рассуждения, свободных от косности предшествующих, свидетельством чего в период эпохи Просвещения явились тексты Руссо и Дидро, в XIX веке, в период отказа от классической философии - тексты Ницше и Бергсона. В конце двадцатого века подобный разоблачительный пафос проник практически во все философские течения, особенно явно заявив о себе во французской версии экзистенциализма, структурализма и постструктурализма. Однако особенность и сила сартровского критического анализа заключались в объединении отдельных попыток, предпринимаемых другими критиками в сокрушающий обвинительный приговор.

1 William, F Redfern, *Paul Nizan: Committed Literature in a Conspiratorial World* (Princeton, 1973), p. 214

2 Starobinski, Jean *Jean-Jacques Rousseau: Transparency and Obstruction*, trans. Artur Goldhammer (Chicago, 1988)

3 Sartre, *The War Diaries of Jean-Paul Sartre: November 1939/March 1940*, trans. Quinton Hoare NY 1984 p. 15

4 Sartre, *The Words*, (trans. Bernard Frechtman, NY, 1964), p. 69

5 Sartre, *The Words*, p. 95

6 Sartre, *The Transcendence of the Ego: An Existentialist Theory of Conciouness* (NY, 1957)pp.41-42

7 Sarte, *Being and Nothihgness*, p.699

8 цит по Buisine, *Laideurs de Sartre*, (Lille, 1986) p. 29 (trans. Jay M.)

9 там же, p. 37

10 Sarte, *Being and Nothihgness: An Essay on Phenomenological Ontology* (NY, 1966), p.525

11 там же, p. 319

12 Buisine, *Laideurs de Sartre*, p.96

13 там же, p. 98

14 См. Sartre, *Imagination: A Psychological Critique* (Ann Arbor, Mich., 1962) и *The Psychology of Imagination* (NY 1948)

15 там же, p. 162

16 там же, p. 133

17 Jay, Martin, *Downcast Eyes* (University of California Press, 1994)